

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Ю.В. Козубенко*

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА МЕЖОТРАСЛЕВОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье дается анализ общественных отношений, попадающих в сферу уголовно-правового регулирования, в межотраслевом аспекте. Выдвигается мнение, что структуры предметов регулирования материального и процессуального уголовного права позволяют выделить общий для них элемент — возникающие в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, общественные отношения между лицом, совершившим данное деяние, и потерпевшим, интересы которого представляет государство в лице его компетентных органов. Данная группа общественных отношений относится к разряду фактических отношений. В свою очередь, «ядро» предмета регулирования уголовного права составляет материальный аспект указанных отношений, а «ядро» предмета регулирования уголовно-процессуального права — процессуальный. Каждый из аспектов одной и той же группы фактических общественных отношений можно и необходимо трактовать как уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, т.е. как правоотношения, выступающие средствами правового регулирования реальных общественных отношений, и в каком-то смысле отраслевыми юридическими конструкциями. Указанная взаимосвязь подразумевает наличие некой общей конструкции межотраслевого уровня — механизма уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: юриспруденция, предмет регулирования, метод регулирования, механизм уголовно-правового регулирования, взаимосвязь материального и процессуального уголовного права, преступление, уголовное преследование, уголовная ответственность, уголовно-правовой комплекс, «ядро» предмета регулирования, межотраслевая юридическая конструкция.

Изучение любой отрасли права неизбежно предполагает исследование фактических общественных отношений, попадающих в сферу его регулирования. Традиционно группа указанных отношений воспринимается как предмет регулирования той или иной отрасли права.

При обращении к материальному или процессуальному уголовному праву на первый взгляд все это выглядит, как и везде: выделя-

ем группу общественных отношений, проверяем их на урегулированность нормами соответствующей отрасли и обозначаем ее как предмет регулирования. При этом подразумевается, что каждая отрасль права имеет по одному предмету регулирования, а не по два и более, хотя бы исходя из того, что если отрасль одна, то и предмет должен быть один.

При обращении, скажем, к уральской школе права, представленной кафедрой уголовного

© Козубенко Юрий Вячеславович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии

[yuri.kozubenko@usla.ru]

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

права, оказывается, что «уголовное право соригинировано на два предмета. Первый — охрана наиболее важных общественных отношений ... Содержание второго предмета ... составляют отклоняющиеся (аномальные) отношения, противоречащие интересам не только отдельных граждан, но и общества в целом»¹. Вместе с тем метод регулирования, согласно точке зрения этого же автора, «представляет собой совокупность приемов, способов воздействия уголовного права на общественные отношения, выступающие его предметом»², а не предметами.

Подобная трактовка указанного вопроса, видимо, вызвана существованием двух функций уголовного права: охранительной и регулятивной, которые, в свою очередь, обуславливают наличие охранительных и регулятивных уголовно-правовых отношений, т.е. отношений, урегулированных нормами материального уголовного права, которым приписывают тесную взаимосвязь с предметом его регулирования³. Однако фактические отношения, попадающие в сферу уголовно-правового регулирования, и общественные отношения, урегулированные нормами уголовного права, не одно и то же: первые относятся к явлениям объективной действительности, вторые — зачастую нет, поскольку выступают в качестве правоотношений, т.е. средствами правового регулирования объективной действительности.

Такие полярные точки зрения одного и того же автора на регулируемые уголовным правом общественные отношения (аномальные и неаномальные) не исчерпывает сомнений по этому вопросу.

М.И. Ковалев — один из ярких представителей уральской школы уголовного права — задаваясь вопросом, каким признакам должно отвечать общественное отношение, чтобы быть причисленным к разряду уголовно-правовых, заключает, что «главным и основным *материальным* признаком общественного отношения, подлежащего правовому регулированию, является *общественная опасность* действия, породившего возникновение этого общественного отношения». Предмет регулирования уголовного права — это общественно опасные действия, которые существенным образом посягают на общественный и государственный строй, соб-

ственность, личность и права граждан, а также иные общественные отношения, регулирующие правопорядок⁴.

В общем и целом приведенное понимание предмета регулирования охватывается концепцией «предмет — преступление», смысл которой можно выразить словами М.Д. Шаргородского: «Предметом уголовного права, как будто не вызывающим никаких сомнений, являются те общественные отношения, которые мы понимаем под словом «преступление», и связанное с ним наказание»⁵.

Существует и противоположная, «беспредметная» концепция, согласно которой уголовное право является лишь средством охраны общественных отношений, регламентируемых другими отраслями права (государственным, гражданским и т.д.)⁶. Данная точка зрения имела свое развитие, проявившееся в том, что на общественные отношения уголовное право, конечно, воздействует, но не непосредственно, а опосредованно. Называя оказываемое воздействие на общественные отношения вторичным, сторонники этой концепции утверждают: непосредственное первичное воздействие уголовное право осуществляет на сознание и волю человека, и только потом, если такого рода воздействия оказалось недостаточно, чтобы удержать лицо от совершения преступления, начинается воздействие на соответствующие отношения. Указанные авторы в итоге пришли к выводу, что предметом уголовного права является «человек и его непосредственное уголовно-правовое удержание от совершения им общественно опасного деяния»⁷.

⁴ Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С. 64, 76.

⁵ Шаргородский М.Д. Предмет и система уголовного права // Сов. государство и право. 1941. № 4. Правда, по утверждению Н.М. Кропачева, «М.Д. Шаргородский впоследствии отказался от этой позиции и присоединился к сторонникам концепции «предмет – общественные отношения» (Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999. С. 33).

⁶ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 4–5; Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 1. М., 1970. С. 12.

⁷ Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. С. 24, 25. Примечательно, что представитель уральской школы уголовного права Г.П. Новоселов также разделяет эту точку зрения, признавая «логичным тезис о том, что при определении уголовно-правового регулирования как некоторого рода воздействия непосредственным его предметом выступают не общественные отношения, а сознание человека» (Новоселов Г.П. Уголовно-правовое регулирование: сущность, содержание, объем и признаки // Российский юридический журнал. 2012. № 5).

¹ Уголовное право. Общая часть. М., 1999. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Одним из первых эту идею, кажется, сформулировал Е.А. Фролов, согласно которой уголовное право имеет предмет уголовно-правовой охраны и предмет уголовно-правового регулирования (Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 7–8).

Во всех системах представлений относительно предмета регулирования все «крутит» вокруг одно и того же конкретного жизненного факта — совершения преступного (или в других вариациях — общественно опасного)⁸ деяния. Причем ни у кого не возникает сомнения⁹, что именно этот юридический факт обуславливает возникновение и развитие общественных отношений, попадающих в сферу уголовно-правового регулирования.

Может быть, так оно и есть? А вопрос номинации концепции — это всего лишь вопрос ее номинации? По-видимому, на этот вопрос необходимо ответить утвердительно. Кроме того, порой даже из антагонистических точек зрения можно выделить рациональное, общее «зерно» — возникающие с момента совершения преступления общественные отношения, складывающиеся между государством в лице компетентных органов власти, и лицом, совершившим преступление, относятся к предмету регулирования материального уголовного права¹⁰.

Думается, что данную группу отношений можно обозначить как основные (системообразующие) общественные отношения, составляющие «ядро» предмета регулирования материального уголовного права, что позволяет в определенной мере вывести за скобки другие группы отношений, выделяемые различными учеными в силу собственных научных предпочтений или, например, этапов развития науки уголовного права.

Что касается предмета регулирования уголовно-процессуального права, то в подавляющем большинстве научных изданий по уголовному процессу происходит умалчивание этого вопроса¹¹. В лучшем случае указывается на

правоотношения, складывающиеся при производстве по уголовным делам под воздействием норм уголовно-процессуального права¹². Вместе с тем разработки в этом направлении велись¹³ и ведутся. Думается, прежде всего необходимо определиться с исходным пунктом — критерием (критериями), в соответствии с которым происходит выделение конкретной группы общественных отношений из общей массы отношений, складывающихся между их участниками. Этот критерий нельзя выявить в тех явлениях, которые связаны непосредственно с уголовно-процессуальным правом, поскольку право выступает теоретической моделью общественных отношений и в этом смысле второстепенно по отношению к последним. Здесь важно иметь в виду, для чего и почему складывается то или иное отношение. Если указанным критерием выступают потребности субъектов, обуславливающие возникновение и развитие любых общественных отношений, то в составе предмета регулирования уголовно-процессуального права можно выделить три группы общественных отношений, каждая из которых включает в себя несколько компонентов:

1) основные, или системообразующие, отношения — общественные отношения, складывающиеся в связи с установлением наличия или отсутствия состава преступления, предусмотренного уголовным законом (основание уголовной ответственности), а также отношения, возникающие в связи с возложением уголовной ответственности и (или) освобождением от нее. Основные отношения образуют «ядро» предмета регулирования уголовно-процессуального права и обусловлены прежде всего правоприменительной природой уголовного процесса (сначала необходимо установить фактические обстоятельства или освобождения от ответственности в соответствующем процессуальном акте).

Так, к числу основных относятся общественные отношения, возникающие при производстве доследственной проверки материалов на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие признаков преступления, а как следствие — основания уголовной ответ-

ловного судопроизводства: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.-Воронеж, 2006; Уголовный процесс РФ / отв. ред. А.П. Крутлик. М., 2009.

¹² Уголовный процесс. М., 2007. С. 26; Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2012. С. 43; Уголовный процесс России: Общая часть / под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 22, 28.

¹³ Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991.

⁸ Игнатов А.Н., Красилов Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2001. С. 3; Игнатов А.Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. М., 1996. С. 3.

⁹ Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. Л.Л. Крутлик. М., 1999. С. 7–8; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 6, 8; Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.П. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 22–23, 30–37.

¹⁰ Уголовное право РФ. Общая часть / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 4; Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 4; Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть 1999. С. 9; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В.П. Ревина. М., 2000; Уголовное право РФ: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 11; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 33–34.

¹¹ Уголовно-процессуальное право. М., 2005; Уголовный процесс России / науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003; Курс уго-

ственности (ч. 2 ст. 140 УПК РФ); при привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 171–172 УПК РФ); при постановлении приговора (гл. 39 УПК РФ) или прекращении уголовного дела (ст. 24–25, 212–214 УПК РФ); при производстве по делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ) или о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ).

Как видно, данная группа отношений начинает развиваться в связи с совершением запрещенного уголовным законом деяния между его субъектом и потерпевшим, интересы которого представляет государство в лице его компетентных органов;

2) производные отношения. К ним традиционно относятся:

а) отношения, возникающие при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами дела (ст. 216, 217, ч. 2 ст. 225 УПК РФ), восстановлении пропущенных сроков (ст. 130 УПК РФ); отношения по возмещению процессуальных издержек потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, эксперту, специалисту, переводчику, понятым (ст. 131 УПК РФ), а также отношения по возмещению (компенсации) вреда и восстановлению в правах в связи с реабилитацией лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию (гл. 18 УПК РФ);

б) отношения, возникающие при применении мер уголовно-процессуального принуждения к ряду участников уголовного судопроизводства: отношения, складывающиеся при задержании подозреваемого (ст. 91–92 УПК РФ), применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 100 УПК РФ), осуществлении принудительного привода свидетеля (ч. 7 ст. 56 УПК РФ);

в) отношения исключительно «процедурного» характера, в частности, отношения, возникающие при направлении дела по подсудности или подсудности (ч. 5 ст. 152, ст. 34, 35 УПК РФ), продлении сроков дознания (ст. 223 УПК РФ), предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ), содержания под стражей (ст. 109 УПК РФ);

г) отношения контрольного, проверочного характера складываются практически на всех стадиях уголовного судопроизводства, имеют весьма разнообразный субъектный состав, поскольку обусловлены правоприменительной природой уголовного судопроизводства, которая обеспечивает законность и обоснованность принятия и исполнения процессуальных решений по уголовным делам. Например, отношения, возникающие при осуществ-

лении процессуального (ведомственного) контроля за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия прокурором (ч. 2, 2.1 ст. 37 УПК РФ), руководителем следственного органа (ст. 39 УПК РФ), начальником органа дознания (ч. 4 ст. 41 УПК РФ); отношения, возникающие в ходе судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда, затрагивающие права и интересы участников уголовного судопроизводства (ст. 123, 125 УПК РФ), в том числе за производством некоторых следственных действий (ст. 165 УПК РФ), проверка судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, а также ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 43–45, 48, 49 УПК РФ).

Наличие основных и производных отношений в предмете регулирования уголовно-процессуального права является обязательным, так как обусловлено общими и частными задачами, единой целью уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в структуре предмета регулирования выделяют еще и сопутствующие отношения, наличие которых в предмете регулирования уголовно-процессуального права не является обязательным, поскольку они направлены на достижение некоторых дополнительных, «попутных» потребностей. К числу таковых в структуре предмета регулирования уголовно-процессуального права традиционно относят:

1) отношения, складывающиеся при возмещении вреда, причиненного преступлением (ст. 44, 45, 54, 55 УПК РФ);

2) отношения, направленные на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и их предупреждение (ч. 4 ст. 29 УПК РФ, ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Однако необходимо иметь в виду, что при производстве по уголовному делу устанавливаются зачастую не только обстоятельства преступления, но и причины и условия, способствовавшие его совершению, поэтому одно и то же отношение, регулируемое уголовно-процессуальным правом, может относиться к различным компонентам структуры предмета уголовно-процессуального регулирования, однако все они производны от преступного деяния.

Приведенные структуры предметов регулирования материального и процессуального уголовного права позволяют выделить общий для них элемент — возникающие в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, общественные отношения между лицом, совершившим данное деяние, и по-

терпевшим, интересы которого представляет государство в лице его компетентных органов. Данная группа общественных отношений относится к разряду фактических. В свою очередь, «ядро» предмета регулирования уголовного права составляет материальный аспект указанных отношений, а «ядро» предмета регулирования уголовно-процессуального права — процессуальный. Каждый из аспектов одной и той же группы фактических общественных отношений можно и необходимо трактовать как уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, т.е. как правоотношения, выступающие средствами правового регулирования реальных общественных отношений, и в каком-то смысле отраслевыми юридическими конструкциями.

Указанная взаимосвязь подразумевает наличие некой общей конструкции межотраслевого уровня, объясняющей и разрешающей многие вопросы, стоящие перед современной юридической наукой, как, например, «дуализм» системы правовых последствий в уголовном законодательстве отдельных стран (наказание и меры безопасности) или что уголовному праву не может отводиться роль приписка к другим отраслям права¹⁴ и т.д.

При догматическом анализе находим еще несколько доказательств существования некой межотраслевой юридической конструкции. Так, в соответствии со ст. 1 УК РФ любой (новый или старый) уголовный закон — это закон, предусматривающий уголовную ответственность, а закон уголовно-процессуальный (ст. 1 УПК РФ) призван устанавливать порядок уголовного судопроизводства, иными словами, процедуру привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее. Со всей очевидностью вычерчивается следующая схема: чтобы возложить на лицо уголовную ответственность за совершенное деяние, необходимо соблюсти процедуру привлечения к ней, осуществить определенную процессуальную деятельность, именуемую уголовным преследованием¹⁵.

В рамках межотраслевой конструкции прослеживается взаимодействие между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, точнее, неразрывная связь между ними, что в науке безусловно доказано¹⁶. Причем перечисленные отношения,

обладая различным статусом, в своей «действительности» есть производное от преступного деяния.

Трансляция многих юридических конструкций из материального уголовного права в уголовно-процессуальное право происходит по совершенно определенному «каналу связи», присутствие которого, порой неосознанно, но все-таки ощущается. Например, конструкция состава преступления, разработанная в материальном уголовном праве, обуславливает структуру предмета доказывания по уголовному делу; конструкция невменяемости лица, совершившего деяние, предопределяет определенные особенности производства по применению принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний возраст влечет особенности производства в отношении этой категории лиц, в том числе по применению принудительных мер воспитательного воздействия, и т.д.

Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, являясь самостоятельными отраслями права, генетически, функционально неразрывно связаны между собой на уровне институтов, понятий, терминов, наконец, юридических конструкций. Самое главное, образуют единый уголовно-правовой комплекс, изъятие из которого хотя бы одной из его составляющих делает другие его части фактически «безжизненными». Поскольку действие уголовно-правового комплекса есть его системное функционирование, то оно осуществляется при помощи специального механизма, который и называется механизмом действия уголовно-правового комплекса или механизмом уголовно-правового регулирования¹⁷.

Именно этот аспект не учитывают отраслевые исследования, в которых утверждается, что регулятивная и охранительная функции¹⁸ уголовного права, действуя вместе, взаимообусловленно и взаимопроникновенно, составляют суть механизма уголовно-право-

Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 9–10.

¹⁷ Схожую точку зрения применительно к действию права высказывают В.С. Нерсисянц и А.В. Поляков. (Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 477; Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 642).

¹⁸ В уголовно-правовой науке выделяют еще шесть основных функций уголовного права: превентивную, правовосстановительную, ценностно-ориентационную, социально-интегративную, системно-правовую и функцию обеспечения легитимности государственной власти (Уголовное право России / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. С. 52).

¹⁴ Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н.П. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. С. 32.

¹⁵ Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб., 2006.

¹⁶ Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997;

вого регулирования¹⁹. Причем данный постулат уводит в рассуждения о соотношении правового воздействия и правового регулирования²⁰, практически воспроизводя положения из общей теории права.

Так, при всей неоднозначности утверждения, согласно которому учение об уголовно-правовом регулировании — это учение о том, каким образом уголовное право осуществляет свою регулятивную функцию, по мнению Г.П. Новоселова, позволяет понять, почему в уголовно-правовой науке уже давно используются в качестве взаимозаменяемых такие понятия, как предмет уголовного права и предмет уголовно-правового регулирования, метод уголовного права и метод уголовно-правового регулирования, цели и задачи уголовного права и цели и задачи уголовно-правового регулирования и т.д.²¹

Г.П. Новоселов не соглашается с часто встречающимся в уголовном праве отождествлением функций с целями и задачами, поскольку от функций цели и задачи отличаются, в частности, тем, что последние — всегда то, что свойственно деятельности людей, что характеризует ее с внутренней стороны. Поэтому, строго говоря, ни уголовное право, ни уголовный закон как таковые не способны иметь какие-либо цели или задачи. Кроме того, по его утверждению, цели и задачи нужно отличать не только от функций, но и друг от друга: любая цель — это то, что непосредственно характеризует деятельность людей и раскрывает их представления о желаемом результате, т.е. то, к чему они стремятся; задача же также непосредственно характеризует человеческую деятельность, но не с позиции того, на что она

направлена, а как может или должна достигаться поставленная цель.

Приведенные выводы не случайны, поскольку данные рассуждения не выходят за рамки обычного отраслевого исследования, тогда как цель и задача так называемого уголовно-правового регулирования — это не что иное, как цель и задачи уголовного судопроизводства, а последнее, как известно, определяется через деятельность ее участников по уголовному преследованию лица, совершившего преступление. В связи с этим следует поддержать точку зрения Ю.С. Жарикова о том, что уголовный закон не может рассматриваться в качестве синонима уголовно-правового регулирования, это всего лишь его правовая основа²², причем уточним со своей стороны, один из элементов этой основы.

Таким образом, в результате возникновения реальных общественных отношений в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, между лицом, совершившим данное деяние, и потерпевшим, интересы которого представляет государство в лице его компетентных органов, начинают «работать» поочередно, последовательно звенья единой системы. Правоприменитель приступает познавать и толковать объективную действительность через юридические конструкции, пользуясь ими, наполняя их конкретным содержанием. Например, это такие конструкции, как состав преступления, уголовная ответственность, уголовное преследование. Последние, являясь звеньями системы более высокого порядка, приводят ее (систему) в действие, которую и назовем механизмом уголовно-правового регулирования.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. — М., 2009.
2. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть. — М., 1999.
3. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. — Л., 1982.
4. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. — М., 2009.
5. Игнатов А.Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. — М., 1996.
6. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 2 т. Т. 1. — М., 2001.

¹⁹ Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999. С. 14.

²⁰ Новоселов Г.П. Уголовно-правовое регулирование: сущность, содержание, объем и признаки // Российский юридический журнал. 2012. № 5. Ранее об этом писал С.С. Алексеев (Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. С. 211–213).

²¹ Новоселов Г.П. Уголовно-правовое регулирование: сущность, содержание, объем и признаки.

²² Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М., 2009. С. 44.

7. Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. — Свердловск, 1971.
8. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. — СПб., 2006.
9. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. — СПб., 1999.
10. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1. — Л., 1968.
11. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 1. — М., 1970.
12. Курс уголовного судопроизводства: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. — М.—Воронеж, 2006.
13. Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. — Свердловск, 1991.
14. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. — Екатеринбург, 1994.
15. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. — Екатеринбург, 1997.

References (transliteration):

1. Alekseev S.S. General Theory of Law. — M., 2009.
2. Vetrov N.I. Criminal Law. General Part. — M., 1999.
3. Daev V.G. Interconnection of criminal law and procedure. — L., 1982.
4. Zharikov Yu. S. Criminal legal regulation and mechanism of its implementation. — M., 2009.
5. Ignatov A.N. Introduction to criminal law research. Criminal Law. — M., 1996.
6. Ignatov A.N., Krasikov Yu. A. Course of Russian Criminal Law: 2 V. V.1: General part. — M., 2001.
7. Kovalev M.I. Soviet Criminal Law: Course of lectures. V. 1. Introduction to criminal law. — Sverdlovsk, 1971.
8. Kozubenko Yu. V. Criminal prosecution: complex research experience. St. P. 2006.
9. Kropachev N.M. Criminal legal regulation: mechanism and system. St. P., 1999.
10. Course of Soviet Criminal Law. V.1. L., 1968.
11. Course of Soviet Criminal Law. In 6 V. / Ed. by A.A. Piontkovsky, etc. V.1. — M., 1970.
12. Course of Criminal Procedure: Textbook. In 3 V./ Ed. by V.A. Mikhailov. V.1.: General provisions of criminal procedure. — M., Publishing house of Moscow psychologic social institute; Voronezh: Publishing house NPO "MODEK", 2006.
13. Militsin S.D. Subject of Soviet criminal procedural law regulation. Sverdlovsk, 1991.
14. Neznamova Z.A. Conflicts in criminal law. Yekaterinburg, 1994.
15. Proshlyakov A.D. Interconnection of substantive and procedural criminal law. — Yekaterinburg, 1994.

Материал получен редакцией 5 апреля 2013 г.